

Мария Заболотская

*И. о. помещного
чародея
Книга I*

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-12

Заболотская, М.

З-12 И. о. поместного чародея. Книга I / М. Заболотская — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 460 с.

ISBN 978-5-521-90922-3

Учиться волшебству нелегко. Но еще сложнее — прислуживать магам. Каррен, случайно угодившая в служанки при магической академии, изо всех сил пытается держаться подальше от тайн и приключений, не верит хитроумным чародеям и мечтает о спокойной мирной жизни без интриг и загадок. Но маги, вампиры, демоны — и даже вполне обычные люди! — словно сговорились, чтобы сделать ее жизнь совершенно невыносимой. Даже чудо не сможет ей помочь, ведь в этом мире чудесами никого не удивишь. Пожалуй, здесь даже слишком много волшебства. И, определенно, слишком много волшебников, замышляющих пакости! Но Каррен не из тех, кто легко сдается, о нет!..

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90922-3

© Мария Заболотская, текст, 2021
© Дарья Каторкина, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1,

*в которой говорится об отвратительных рассветах,
тяжелой жизни служанок и подлой сущности чародеев*

Когда я проснулась от тревожного сновидения, в доме было тихо. В комнате еще царила предрассветная белесая мгла, из-за которой вся обстановка выглядела зыбкой и нереальной. То ли сон, то ли явь — не разберешь. Ночной кошмар сразу же лишился своей силы, вылинял и превратился в какие-то бессвязные обрывки: бег сквозь душную ночь, когтистые руки, тянущиеся из болотной воды, оскаленные черно-багровые пасти — в общем, все то, что обычно снится людям в полнолуние. Проклятая полная луна всегда вытягивает из человеческой души самое муторное...

Я лежала неподвижно, глядя в потолок, почти неразличимый в утреннем сумраке. Кошмар еще не отпустил меня — мне виделись какие-то клубки черноты, которые прятались по углам. Но я знала, что это всего лишь мое взбудораженное воображение — в этом доме давно не обитали ни домовые, ни духи.

В звенящей тишине слышно было, как где-то за рекой надрылся петух и мерно поскрипывало мельничное колесо, хоть мельница располагалась не так уж и близко от дома. Это успокаивало. Все было так же, как и вчера, позавчера и целую вечность до того.

Ставни были распахнуты настежь, и ничто не препятствовало проникновению первых утренних звуков в мою маленькую комнату, окна которой выходили в старый яблоневый сад. Летом я всегда перед сном оставляла окно открытым. Мне нравилось засыпать под стрекотание сверчков и шорох ветра в листве — то тревожный, то убаюкивающий. Еще чуть-чуть, и можно было поверить, что это мой старый родной дом, который я так давно по-

кинула, не зная, что никогда больше не вернусь туда. Точно так же там срывались с ветвей яблоки и падали на землю в теплых летних сумерках; так же пел вдалеке соловей, и даже в воздухе витали те же ароматы скошенной травы и прелой лесной листвы...

Веки сами по себе начали слипаться, и я уже почти поддалась соблазну. Еще самую капельку полежать бы, свернувшись в клубочек под теплым лоскутным одеялом...

Нет. Полчаса — и солнце взойдет. Следовало выкинуть из головы бередящие душу воспоминания и подниматься.

...Я была служанкой. Самой обычной служанкой при скучном господине, жизнь которой вертится вокруг немытой посуды, нестиранных подштанников и неполотых грядков, даже краешком не прикасаясь к интересным, захватывающим дух событиям, которые случаются с другими, храбрыми и умными людьми. Где-то рыцари спасали благородных дам из заколдованных башен, где-то герои убивали драконов, в морях ундины топили моряков и просто купающихся, в горах гномы ковали волшебные кольчуги (это, пожалуй, не намного легче моих обязанностей, в отличие от всего предыдущего), а я в это время драила полы и ошипывала кур. И вполне естественно, что от этого мне иногда хотелось попросту завять. Особенно по утрам.

О как же я ненавидела эти рассветы! И что хорошего нашли менестрели и поэты в ежедневно поднимающемся над лесом малиново-огненном круге? «Рождение нового дня», «розовая кайма на горизонте»... Попробовали бы они продрать глаза в такую рань!..

С усилием я выбралась из-под теплого одеяла. Деревянный пол выстудился за ночь, и до комода я добежала на цыпочках, гримасничая и вздрагивая. Оделась, путаясь спросонья в штанинах и рукавах. Вода в рукомойнике была и вовсе ледяной, от нее зубы сводило, а спина покрывалась мурашками.

Только сейчас я почувствовала, что проснулась, причем не в самом лучшем расположении духа.

Мимоходом я расчесала воронье гнездо на своей голове, печально косясь на себя в осколок зеркала. Волосы мои были темны-

ми, жесткими, очень густыми и курчавились во все стороны, словно овечья шерсть. Я слыхала, что такой роскошью награждаются только те несчастные, у кого в предках имеется тролль, и в это можно было поверить. Если мои космы отрастали ниже плеч, расчесать их можно было разве что граблями. Костяные гребешки терли зубья, как завсегдатай таверны, — по несколько сразу. Приходилось то и дело состригать жесткие кудри, что исключало всякую возможность выглядеть достойно — известно ведь, что красота девушки находится в прямой зависимости от длины ее косы.

Во всем остальном я была, как говорится, заурядной девицей простого сословия почти двадцати лет от роду, светлоглазой, жилистой и угловатой, точно мальчишка-подросток.

Я вышла из комнаты, на ходу натягивая башмаки, и прислушалась, но ни один звук не нарушал сонную тишину дома. В темном узком коридорчике, ведущем к лестнице, мерно поскрипывал сверчок, явно не знающий, что утро уже наступило и пора бы давно заткнуться. Я вздохнула и покачала головой.

Ничего удивительного в этой мертвой тишине не было — с тех пор, как я появилась здесь, у моего хозяина, магистра Виктредиса, вошло в обычай спать вволю, не обращая никакого внимания на всякие мелочи вроде рассветов, кукареканья петухов и собственных обязанностей. Он сладко сопел, сколько его душе было угодно, в то время как я громыкала сковородами и кастрюлями на кухне, разбиралась с курами и конем, наглаживала рубахи и тоги, крахмалила манжеты, воротнички и прочая, и прочая, и прочая. А вот когда желание поспать начинало бороться с желанием поесть, магистр с кряхтением и вздохами выбирался из-под одеяла и плелся на кухню, не снимая своего ночного колпака.

Магистру Виктредису было лень облачаться в мантию до обеда, лень умываться, лень думать и даже здороваться со мной было лень. Спросите меня, что с самого утра может испортить весь день наперёд, и я вам скажу, что заспанный субъект в линялом халате

и мятом колпаке с кисточкой, со снулым видом пережевывающий яичницу, справится с этим как нельзя лучше.

Ах да, забыла сказать, что Виктредис был магом. Они в большинстве своем являются отменными занудами, так что вряд ли Виктредис мог кого-то удивить своими привычками. Он был рядовым представителем своей профессии, только и всего.

Обычно магов называют волшебниками или чародеями, но это, так сказать, бытовая терминология, выдающая невежество того, кто ее употребляет. Все равно что лекаря обозвать костоправом или коновалом, наплевав на то, что он изучал в университете десять лет фармакологию, хирургию, зубовыдирание и прочие сложнейшие науки, названия которых способны сломать язык обычному человеку.

Я, как служанка, то есть человек, стоящий на лестнице общественного положения где-то у входа в подпол рядом с отребьем и бродягами, могла позволить себе быть невежественной. Поверьте мне, маг — это абсолютно аморальное, двуличное и подлое существо, как его ни назови.

В фундаментальном труде по истории магии, написанном самим Брианбардом-Строителем, одним из славнейших чародеев прошлого, магам дается следующее определение, пусть и не всеобъемлющее, но весьма патетическое: «Маг — это человек — в большинстве случаев, — который имеет способности к эффективному — опять же весьма спорный термин, так как большинство магов к эффективности имеют то же отношение, что и дырявая ложка — использованию энергии четырех стихий, а именно Воздуха, Воды, Земли и Огня, в ходе которого возможны изменения как в физическом, так и в метафизическом поле».

Я в свете некоторых своих жизненных обстоятельств, о которых поведаю чуть позже, скажу по-другому: маг — это существо, отучившееся десять лет в любой магической школе, признанной Лигой Чародеев, и получившее лицензию той же Лиги на право заниматься магической деятельностью. Так будет куда правдивее, потому что так оно и есть.

Расскажу-ка я подробнее о магии и тех, кто ее использует себе на пользу, чтобы избежать многих вопросов в будущем. Порази-

тельно, как мало зачастую знают о мире волшебства обычные люди и насколько ошибаются в своих предположениях.

Магическая деятельность, как известно почти всем, бывает нескольких родов. Но далеко не все догадываются об истинных различиях между магами, бытующих в чародейском сословии уже сотни лет.

Начать следует с подвида, известного широким кругам как Чародей Придворный, и к этому наименованию можно смело добавить видовой эпитет «необыкновенный», во многом проясняющий суть предмета. Такой маг конечно же относится к знатному роду, корни которого теряются где-то за пиршественным столом самого Брианбарда, что позволяет представителям данного рода считать себя его прямыми потомками — за столами в то время нравы были более чем вольные. Чародей Придворный импозантен, красив и хитер. Он небрежно решает геополитические задачи и дипломатические головоломки, устраняет недоброжелателей с размахом и помпой. В его прошлом одни темные страницы, его взгляд умудрен и циничен. Это омерзительнейший представитель чародейского племени, к счастью встречающийся не так уж часто в силу крайней неуживчивости и коварства своих же собратьев.

Второй подвид — Чародей Бродячий, может считаться как обыкновенным, так и необыкновенным, в зависимости от его послужного списка. Эти вечные искатели приключений бесцельно странствуют по просторам всех королевств и княжеств и охотно ввязываются в сомнительные авантюры, которые через десять лет перевираются и превращаются в эпические песни с печальным концом. Их жизнь увлекательна, ярка и полна впечатлений, последним из которых является затягивающаяся на шее петля или потрескивание пылающего хвороста. Они любимы народом — увы, лишь посмертно, — и зачастую даже народ не может понять причины возникновения этой любви. Проще говоря, они авантюристы и бездельники, которым лень работать на постоянном окладе.

И наконец, третий, самый распространенный подвид — Чародей Поместный, который может быть только обыкновенным, и более никаким другим. У него не было выбора: он не являлся сыном знаменитого мага; его прародитель видел Брианбарда толь-

ко издали, да и то не мог потом сказать с уверенностью, Брианбард то был или кто-то другой; родные едва наскребли денег, чтобы отправить чадо в большой город, а остальные пятнадцать сестер и десять братьев долго махали ему вслед, пытаясь вспомнить, как же его зовут. Он старательно учился, копил деньги сначала на сапоги, потом на коня. Злобно косился на более везучих — родовитых — учеников и, вполне возможно, окончил обучение в Академии Магии с отличием, до чего никому не было дела. Его удел — пиявки, кровопускания и борьба с сельскохозяйственными вредителями. В своем околотке он одновременно лекарь, аптекарь, истребитель мелких чудовищ и друг бургомистра. Его уважают, иногда даже любят, особенно если он проявляет понимание в вопросах сенокоса, уборки урожая и лечения конского сапа.

Так Чародей Поместный проживает всю свою жизнь, не особо желая ее продлевать до классических волшебных трехсот лет, ведь ему обычно все опостылевает еще за первые тридцать. И все эти годы приправлены досадой на тех, кто добился большего, приложив куда меньше усилий.

Мой господин, магистр Виктредис был обычным поместным магом. И ничем не выделялся среди себе подобных.

Утро между тем продолжалось, несмотря на то что в голове у меня бродили посторонние мысли. Зевая и потягиваясь, я спустилась на кухню, которая находилась на первом этаже, соседствуя с гостиной. Мой уклад жизни не отличался от будней любой крестьянки: первым делом я разводила огонь, водружала на плиту сковороду и чайник, а затем начинала метаться между курятником, конюшней, огородом и очагом, словно вконец ополоумевшая белка в колесе. Раньше кое-какие обязанности исполняла старуха из местных, но скаредный магистр отправил ее в бессрочный отпуск, здраво рассудив, что я справлюсь и сама, так как деваться мне некуда.

Сегодняшнее утро было в точности таким, как и все предыдущие.

Тяга в трубе была отменная (сама чистила), дрова — сухими и колотыми (сама колола), а яйца — свежими (неслись, слава богу, пока что куры).

К яичнице с беконом, входящей в меню обычного чародейского завтрака, обязательно полагалась свежая зелень и огурчик, иначе нудной проповеди было не избежать. Я была достаточно умна, чтобы не верить в счастливый случай, который заставил бы Виктредиса хоть раз забыть о пучке укропа на завтрак. Проще уж представить, что великий Брианбард-Строитель воскрес, а светлейший князь Йорик снизил дорожную пошлину. Более педантичного и мелочного человека, чем Виктредис, я еще не встречала.

Огород располагался сразу же за домом, примыкая с одной стороны к конюшне, а с другой — к небольшой рощице. Там было по-утреннему свежо и сыро, отчего у меня немедленно начался насморк.

Побродив среди заросших грядок с укропом и луком, я пришла к неутешительному выводу, что в список моих задач на сегодня надо включить прополку. Проклятая лебеда вымахала по колено, выпустив длинные поникшие соцветия в знак своего полного благополучия, и пырей безоговорочно торжествовал над морковкой, намекая на тщетность всякой с ним борьбы своим цветущим видом. А ведь я только неделю назад гнула тут натруженную спину под палящим летним солнцем!.. А какие комары тучами кружили надо мной! Какие волдыри потом украшали мое лицо!.. Разрази меня гром! Капусты вообще не видать за сорняками!!!

Н-да... Сегодня мне полагалось нажать травы для коня и хорошенько почистить его скребницей, сходить в лес за ягодами, наварить варенья (Виктредис мне уже плешь проел воспоминаниями о дивном черничном варенье его покойной матушки), заштопать рабочую тогу магистра, навеститься на городской рынок, состряпать обед и ужин, прибраться в доме, накопать мандрагоры... Теперь еще и огород! Ну что за напасть?..

Как видите, день мой был насыщен событиями, но интереса для посторонних они не представляли никакого.

Погруженная в тяжелые раздумья о грядущем, я вернулась в дом с огурцами и пучком зелени. На кухне все бурлило, шкворчало и дымилось. Я присела за стол и задумчиво надкусила огурец, тщетно пытаясь найти в глубинах своей души радость от кратковременной передышки.

Огурец сочно хрустнул, и я замычала, схватившись за челюсть. Как же меня угораздило забыть, что вчера вечером у меня разболелся зуб?! Вот почему я проснулась в таком паршивом настроении!

— Пропади ты пропадом, — тоскливо сказала я сама себе.

Тупая боль уже начинала ворочаться где-то в висках, заныл затылок и задергался глаз.

Похоже, дело обстояло куда хуже, чем показалось мне с вечера.

Я посмотрела, что творится под крышкой сковороды, оставила чайник на край плиты и вышла из кухни. Надкушенный огурец остался лежать посреди стола.

...В лаборатории магистра Виктредиса витал устойчивый запах аммиака, сиречь нашатыря. Я, как человек опытный, вдохнула лабораторный смрад всей грудью и привычно закашлялась. От рези в носу даже зубная боль стала тише. Зато второй вдох прошел без последствий. Все-таки я провела в подобных мерзких местах не один год и знала, что организм к ним следует приспосабливать сразу, а не постепенно.

Нужная колбочка нашлась сразу. Как-то мне уже доводилось пользоваться ее содержимым, когда я ошпарила ногу крутым кипятком. Экстракт снежной ягоды ослаблял боль, вызывая онемение и приятно холодя кожу. После его применения можно было делать все что угодно, хоть ампутацию.

На вкус он был отвратителен. Что-то вроде прогорклого масла с примесью половой тряпки.

Я немного подождала, пока десны заledenеют, а потом с облегчением выплюнула мерзкий декокт за окно. К своей досаде, я обнаружила, что экстракт подействовал не только на зубы — у меня полностью онемел язык. Глупо было не подумать об этом заранее. Я попыталась издать какой-либо звук и в отчаянии замычала. Походило на то, что еще пару часов мне придется побыть немой.

Ну что ж, главную глупость сегодня я уже совершила. Теперь следовало прибрать все так, чтобы Виктредис ничего не заметил. То, что я внезапно лишилась дара речи, вряд ли привлекло бы его внимание, а вернее, еще бы и порадовало.

Расставляя колбы в положенном порядке, я вдруг заметила листок на краю стола. На нем было что-то написано, причем немало. Даже издали было заметно, что строчки расплзлись вкривь